
РАЗВИТИЕ МИГРАЦИОННОЙ ТЕОРИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Ивахнюк И. В.**

В статье рассматривается формирование теоретической базы исследования миграции населения в последней трети XX в. и начале XXI в. на фоне происходящих процессов глобализации. Глобализация подняла огромные волны миграции и принципиально изменила структуру миграционных потоков. В то же время глобалистика как научное объяснение современной глобализации предложила новые концептуальные схемы, которые оказались «вплетены» в миграционную теорию, делая особый акцент на складывающейся глобальной миграционной взаимозависимости стран. Особое внимание уделено существующим подходам в управлении миграцией, которые во многом направлены на ограничение миграционных потоков и тем самым по сути вступают в противоречие с глобализацией, основным принципом которой является открытость.

Ключевые слова: международная миграция, глобализация, миграционная теория, миграционная взаимозависимость, управление миграционными процессами.

The paper deals with conceptualization of migration in the last third of the twentieth century and early twenty-first century against the background of the current globalization. Globalization has inspired huge waves of migration and radically changed the structure of migration flows. At the same time, contemporary Global Studies have developed new concepts, which have been incorporated in migration theory resulting in particular focus on migration interdependence of the countries of the world. The author gives special attention to the existing approaches to managing migration which are mainly aimed at restrictions on inflow of immigrants. Therefore, they contradict openness as the primary paradigm of globalization.

Keywords: international migration, globalization, migration theory, migration interdependence, migration governance.

Теория миграционных сетей. Теории, представляющие социологическое направление в изучении миграции по классификации В. А. Ионцева [1999], в наибольшей степени раскрывают механизм внутренней динамики миграционных процессов, объясняя формирование устойчивых связей между конкретными странами назначения мигрантов и конкретными странами их происхождения на индивидуально-семейном уровне. Действительно, ведь если предположить, что

---

* Продолжение. Начало см. в журнале «Век глобализации», 2015, № 1, с. 36–51.

** Ивахнюк Ирина Валентиновна – д. э. н., профессор, заместитель заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член Правительственной комиссии по миграционной политике. E-mail: irina.ivakhnyuk@gmail.com.

лишь экономические силы и желание людей улучшить свою жизнь лежат в основе формирования миграционных потоков, то остается необъяснимым их конкретный географический вектор, особенно когда он принимает относительно устойчивый и масштабный характер. Объяснения были даны *теорией миграционных сетей*, которую еще называют *теорией сетевой миграции*, *теорией миграционной цепи*, или *теорией социального капитала*. Суть ее сводится к тому, что когда определенное количество мигрантов уже обосновалось в стране назначения (какими бы мотивами ни объяснялась их миграция), в игру вступают совсем иные силы, а именно – силы социального взаимодействия, построенные на родственной или этнической близости.

Выбор страны назначения, сделанный мигрантами-первопроходцами, может быть совершенно случаен, но он оказывает огромное влияние на дальнейшее формирование миграционных потоков. Еще Е. Ли заметил, что возникает информационный поток от уже уехавших мигрантов к тем родственникам, соседям, знакомым, которые остались на родине [Lee 1966]. Этот информационный поток облегчает для них принятие решения о миграции. Наличие соотечественников в стране назначения, как правило, сокращает материальные и психологические издержки, связанные с переездом, для последующих мигрантов и таким образом способствует увеличению миграционного потока в данную конкретную страну [см., например: Флорес 2006].

Миграционные сети понимают как установившиеся на личном уровне связи между мигрантами, бывшими мигрантами и немигрантами в странах выезда и странах въезда на основании родства, знакомства и общего места происхождения [Massey *et al.* 1993: 448]. Иными словами, миграционные сети связывают земляков, проживающих на родине и в других странах. Миграционные сети называют также социальным капиталом мигрантов, опираясь на который последние легче решаются на миграцию. Помимо материального капитала (денежные средства) и человеческого капитала (образование, квалификация, знания), социальный капитал является третьим важнейшим миграционным ресурсом, который, во-первых, мотивирует людей к миграции, а во-вторых, дает для этого дополнительные возможности.

В известной мере существованием миграционных сетей, то есть сохранением устойчивых связей с родиной, можно объяснить, почему мигранты переводят часть заработанных денег на родину, – то, что никак не объясняют неоклассическая теория или теория человеческого капитала. С помощью миграционных сетей был объяснен самоподдерживающийся, самовоспроизводящийся механизм международной миграции: наличие миграционной сети может само по себе поддерживать миграционный процесс даже тогда, когда условия для миграции становятся неблагоприятными, в частности когда ей противостоит ограничительная иммиграционная политика или в условиях экономического спада в принимающей стране. Социальные миграционные сети приобрели в современных условиях такой масштаб, что они могут считаться глобальным фактором, способствующим увеличению масштаба миграционных потоков.

Изучение миграционных сетей в последние два десятилетия получило большое распространение на примере конкретных стран. Можно даже сказать, что анализ миграции через призму миграционных сетей стал вытеснять другие концептуальные подходы. Нельзя не признать, что теория миграционных сетей, или

теория социального капитала, внесла существенный вклад в понимание механизма миграционных процессов и формирования устойчивых миграционных связей между странами. В то же время сторонники этой теории, верно указывая на то, что наличие социальных связей между странами происхождения и странами назначения облегчает и численно увеличивает миграцию, не замечают, что те же миграционные сети, которые упрощают и даже стимулируют въезд своих земляков, одновременно служат ограничителем для миграции из других стран или даже местностей той же страны происхождения. Социальный капитал для одних может обернуться неформальным социальным барьером для других, особенно в условиях существования ограничительной иммиграционной политики [Portes 1995].

К этой концептуальной группе примыкает *теория кумулятивной причинности*. Этот термин был впервые применен шведским экономистом и лауреатом Нобелевской премии по экономике Г. Мюрдалем еще более полувека назад [Myrdal 1957] в контексте изучения причин концентрации экономической деятельности в определенных районах и последствий неравномерного развития в биполярной модели экономического роста. Позже Д. Массей использовал термин «кумулятивная причинность» для объяснения того, как социальные и экономические последствия миграции становятся причинами последующей миграции [Massey 1990]. Фактически развивая теорию миграционных сетей, Массей проанализировал факторы международной миграции на уровне мигрантских общин и указал на то, что с течением времени миграционный тип поведения превращается в норму, опираясь на создаваемые самими же мигрантами дополнительные причины, стимулирующие его (снижение рисков и издержек миграции благодаря развитию мигрантских сетей; рост неравенства распределения дохода вследствие денежных переводов мигрантов; модернизация сельскохозяйственного производства в мигрантских домохозяйствах и соответственное уменьшение их потребности в наемном труде земляков; формирование «культуры миграции» и т. д.) [Massey et al. 1998: 45–50].

Концепция миграционных систем. Несколько особняком в ряду существующих миграционных теорий стоит *концепция миграционных систем*. В рамках этой концепции исследовательский фокус смещен на объяснение направлений потоков международной миграции с точки зрения их взаимосвязи с экономическим, демографическим, социальным, историческим, политическим контекстами конкретных стран и регионов. По существу, концепция миграционных систем представляет весь мир как единую глобальную миграционную систему, в которой есть центры (государства) притяжения мигрантов и государства-доноры, и «рассекает» ее на меньшие по масштабам миграционные системы, в которых можно более доказательно проследить направления миграционных потоков, а главное – механизмы устойчивости и воспроизведения этих потоков. Такой подход абсолютно соответствует позиции ученых-глобалистов: «Под влиянием процессов глобализации мировое сообщество практически по всем параметрам общественной жизни все больше становится единой целостной системой» [Чумаков 2014: 149].

Впервые применение концепции миграционных систем к анализу международной миграции было предпринято в конце 1980-х гг. [Fawcett, Arnold 1987; Portes, Borocz 1989] и позже получило развитие в работе «Международные миграционные системы: глобальный подход» [International... 1992]. Фактически это

была первая работа, в которой факторы, стимулирующие миграционные потоки в странах назначения мигрантов, и факторы, действующие в странах их происхождения, были рассмотрены в контексте современной глобализации, выступающей дополнительным стимулом для миграции.

Собственно, этим же путем пошли авторы книги «Мир в движении: осмысление международной миграции в конце тысячелетия» [Massey *et al.* 1998], которые выбрали методологической основой своего исследования анализ миграционной картины современного мира через существующие крупнейшие миграционные системы: Североамериканскую, Европейскую, систему стран Персидского залива, Азиатско-Тихоокеанскую и Южноамериканскую. Это позволило авторам рассмотреть современную международную миграцию как «улицу с двусторонним движением», связывающую конкретные места/районы/страны происхождения и назначения мигрантов и формирующую устойчивые связи между всеми участниками этого движения.

Миграционной системой называют группу стран, между которыми существуют относительно масштабные и устойчивые миграционные связи, которые являются результатом действия исторических, культурных, политических, экономических, демографических и политических факторов и приводят к структурным трансформациям в странах въезда и выезда мигрантов, воспроизводящим направление миграционных потоков и придающим этим потокам устойчивость. Миграционная система может включать в себя подсистемы и быть связанной с другими миграционными системами через внешние для нее миграционные потоки. Деление мира на миграционные системы имеет условный характер, так как одни и те же страны могут являться частями разных миграционных систем и именно это позволяет говорить о мире как о единой глобальной миграционной системе.

Крупная миграционная система может включать в себя подсистемы и быть связанной с другими системами через внешние для нее миграционные потоки. Например, Центрально-Азиатская миграционная система, центром которой считают Казахстан, является составной частью более крупной Евразийской миграционной системы.

Упомянув, что концепция миграционных систем стоит несколько особняком в общем списке миграционных теорий, мы имели в виду, что она как бы впитывает в себя все имеющиеся теории, поскольку формирование миграционных систем происходит на основе всех тех факторов, которые выявлены и формализованы авторами других теорий, а к ним добавлены конкретно-исторические факторы, действующие в данных конкретных обстоятельствах.

Устойчивость миграционных связей в системе может определяться как историческими причинами (например, колониальные отношения или политические союзы), так и взаимной экономической заинтересованностью стран в миграционном обмене, которая обуславливает возникновение и сохранение миграционного движения определенной направленности. При этом причины, по которым возникают те или иные миграционные потоки, могут отличаться от тех причин, по которым они существуют в дальнейшем, и от тех, в результате которых они прерываются. Так, миграционный поток из колоний в Великобританию был инициирован англичанами для пополнения рабочей силы в сельском хозяйстве, на шахтах и в строительстве. Во время Второй мировой войны так называемые представители этнических меньшинств привлекались для службы в королевских военно-

воздушных силах и для работы на фабриках по производству военного снаряжения. В 1950–1970-е гг. иммигранты из бывших колоний внесли большой вклад в восстановление и развитие британской экономики. Жесткое ограничение иммиграции после 1973 г. уже не могло остановить поток мигрантов: теперь они ехали по линии воссоединения семьи, поскольку иммигрантская община в Великобритании к тому времени насчитывала уже почти 1 млн человек. Более 80 % въехавших в Великобританию в 1980-х гг. – это члены семей ранее прибывших мигрантов. В конце столетия миграционный поток из бывших британских колоний был уже в большей степени сориентирован на США: на Индию, например, приходилось почти 15 % въезжавших в США в 1991–1996 гг., а индийские программисты заняли значительную долю рынка специалистов в области компьютерных технологий.

Как мы уже упоминали, в мире существует несколько крупнейших миграционных систем: Североамериканская, Европейская, система, объединяющая страны Персидского залива, Азиатско-Тихоокеанская, Южноамериканская, Евразийская¹. Эти миграционные системы, помимо устойчивых «внутренних», внутрирегиональных миграционных потоков, связаны множеством миграционных связей с другими, «внешними» для них странами и регионами. Так, например, Азиатско-Тихоокеанский регион, имея свои собственные региональные центры притяжения трудовых мигрантов, такие как Австралия, Корея, Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Япония, в то же время тесно связаны с другими глобальными миграционными системами – Северной Америкой, Европой, странами Персидского залива. Именно это позволяет считать Азиатско-Тихоокеанский регион одной из *мировых* миграционных систем. Точно так же Евразийская, самая «молодая» из мировых миграционных систем, имея крупный центр притяжения мигрантов в лице России и в последние годы Казахстана, одновременно выступает «поставщиком» значительного числа мигрантов для других глобальных систем, прежде всего Северной Америки и Европы.

Особенностью современного этапа развития глобальной миграционной ситуации становится тот факт, что в роли центров миграционных систем могут выступать не страны в целом, а крупные города-мегаполисы. Это могут быть так называемые «глобальные города» (Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Лондон и т. д.), которые концентрируют в себе функции глобальных финансовых центров и одновременно являются центрами притяжения большого количества мигрантов. Это могут быть также менее значимые в глобальном масштабе крупные региональные мегаполисы – Барселона, Гамбург, Милан, Сидней, Торонто, Монреаль, Москва, Стамбул, Каир, Бангкок, Сан-Паулу и т. д. [Sassen 1998]. Экономика этих городов, структура их рынка труда уже находятся в значительной зависимости от присутствия рабочих-мигрантов, а сложившиеся там многочисленные мигрантские общины способствуют поддержанию миграционного притока в необходимом объеме и фактически выступают важным структурным элементом их экономического развития.

---

¹ Первые пять миграционных систем достаточно подробно описаны и проанализированы в западной литературе [см.: International... 1992; Massey *et al.* 1998; Zlotnik 1996]. Внимание исследователей было также привлечено к региональным подсистемам, например (под)системе, связывающей США и Мексику, (под)системе, связывающей североафриканские страны с Европой, (под)системе, включающей Германию и Турцию [De Haas 2007; Canales, Mendoza 2001; Conway, Cohen 1998; Rubenstein 1992; Fawcett, Arnold 1987]. Попытки описать и концептуализировать Евразийскую миграционную систему были предприняты автором данной статьи [Ивахнюк 2007; 2008; Ivakhniouk, Iontsev 2005].

Концепция миграционной взаимозависимости. Весьма отчетливо взаимодействие миграции и глобализации отражено в *концепции миграционной взаимозависимости*², которая, с одной стороны, является логическим продолжением концепции миграционных систем, а с другой – опровергает упоминавшуюся выше концепцию зависимого развития, имевшую широкое распространение в 1970–1980-х гг. и интерпретировавшую международную миграцию как один из инструментов, закрепляющих зависимый характер развития менее развитых стран от более развитых [Frank 1972; Baran 1973]. За прошедшие десятилетия геополитическая картина мира существенно изменилась. Отношения зависимости между странами во многом приобрели характер *взаимной* зависимости. Теоретиками глобализации описаны процессы глобальной взаимозависимости, выражающиеся в таком направлении развития международной кооперации производства, международного разделения труда, внешней торговли и международных экономических отношений в целом, при котором нормальное развитие национальных экономик становится невозможным без участия в этих процессах. Глобализация создает мощные стимулы для адаптации стран к стремительно формирующимся новым мировым реальностям, поскольку только через развитие стран *во взаимодействии* может быть обеспечено мировое равновесие [Белл, Иноземцев 2007: 213; Киш 2010].

Одной из таких новых мировых реальностей является возросшая зависимость более развитых стран от притока мигрантов из менее развитых стран. Уже сейчас в большинстве западноевропейских стран иностранные работники составляют 10–15 % занятых, а в «традиционных» странах иммиграции – Австралии, Канаде, США – порядка 18–20 % рабочей силы. В городах эти показатели существенно выше. Целые ниши рынка труда в развитых странах (подсобные работы на производстве и в строительстве, уборка улиц и помещений, работа по дому, частные услуги по уходу за пожилыми и детьми и т. д.) оказываются закрепленными за мигрантами, и от их притока зависит функционирование ряда отраслей, таких как строительство или сельское хозяйство [Taran 2013]. Демографические прогнозы говорят о неизбежном сокращении численности трудовых ресурсов в более развитых странах в ближайшие десятилетия на фоне увеличения доли пожилого населения. Это означает усиление зависимости данных стран от притока мигрантов, которые призваны пополнить рынок труда. Фактически присутствие иностранной рабочей силы на рынках труда индустриальных и постиндустриальных государств превратилось в постоянно действующий фактор, обеспечивающий устойчивость и конкурентоспособность их экономик [Ивахнюк 2008: 94].

С другой стороны, для менее развитых стран зависимость от миграции определяется ограниченными возможностями национальных рынков труда обеспечить занятость относительно избыточного населения трудоспособного возраста. «Клапан миграции», открывающий доступ к рынкам труда других государств, не только сокращает безработицу на национальных рынках труда, но дает дополнительные ресурсы для экономического развития стран выезда. Экспортируя трудовые ресурсы, эти страны обеспечивают возвратные финансовые потоки в виде денежных переводов мигрантов. Масштаб мигрантских переводов в последние годы

---

² Об этом направлении развития миграционной теории автор писала в журнале «Век глобализации» (Ивахнюк 2011а).

существенно возрос. Их значение для стран выезда не ограничивается улучшением условий жизни мигрантских домохозяйств; они превращаются в средство улучшения макропоказателей финансового положения стран и выступают как инвестиционный ресурс развития бизнеса.

Миграционная взаимозависимость означает, что через механизм международной миграции происходит взаимное восполнение дефицита факторов производства (труда и капитала), без которого ни более развитые страны, являющиеся импортерами трудовых ресурсов, ни менее развитые государства, выступающие экспортерами трудовых ресурсов, не могут обойтись. Современная глобализация создала условия, когда трудовая миграция превращается в необходимый, во многом безальтернативный ресурс, обеспечивающий экономическое развитие как принимающих стран, так и стран происхождения. Тот факт, что эти группы государств оказываются в отношениях взаимной зависимости, подталкивает их к поиску партнерских форм взаимодействия и укреплению интеграции³.

Начало XXI в.: изменение исследовательского фокуса

На рубеже XX и XXI вв. в развитии миграционной теории произошло заметное смещение акцентов. Нынешнее направление научного поиска нацелено не столько на интерпретацию *причин* и *факторов* миграции, что уже предложено различными, признанными в большей или меньшей степени концепциями (многие из которых рассмотрены выше), сколько на объяснение *механизма*, *последствий* и *перспектив* миграции населения в глобальном контексте социальных, экономических и демографических трансформаций. Иными словами, идет поиск понимания того, что несет с собой нарастающая глобальная миграционная волна и как жить в новом, ставшем «миграционным», мире.

Здесь следует указать, что в начале XXI в. глобализация стала непосредственным объектом изучения ученых-миграциологов, так как очевидно проявились взаимосвязь и взаимовлияние этих двух процессов. Концепции, объясняющие современную глобализацию, позволили глубже взглянуть на природу международной миграции и ее роль в современном развитии. Книга теоретиков глобализации из Стэнфордского университета [Held *et al.* 1999] объясняет миграцию в эпоху глобализации не просто с позиции моделей неоклассиков, структурных изменений или экономических переменных, которыми оперирует концепция «притяжения и выталкивания». Они уделяют особое внимание современному политическому, экономическому и социокультурному контексту миграции, фокусируясь на воздействии государственной политики, социальных сетей, идей, информации и институтов.

Миграция и глобализация ставятся рядом на обложках научных книг, анализируются возможности и ограничения для расширения свободы передвижения людей в мире, где происходит ликвидация барьеров для перемещения товаров, услуг, капиталов, информации [Stalker 2000; Migration... 2005; Findlay 2001; Kahanec, Zimmermann 2008; Solimano 2010].

³ О том, как конкретно (на примере государств постсоветского пространства) формируется миграционная взаимозависимость стран Евразийской миграционной системы – через действие демографических факторов, структурные трансформации рынков труда в принимающих странах и странах выезда, через возрастающую роль денежных переводов мигрантов, а также через механизм трансграничного взаимодействия, осуществляемого национальными диаспорами, см.: [Ивахнюк 2008].

Наиболее выделяются два направления современных исследований: 1) интеграция мигрантов, а именно – поиск моделей социально-культурного взаимодействия мигрантов и принимающего общества, национальная идентичность мигрантов, в том числе мигрантов второго поколения; 2) воздействие миграции на развитие – на глобальном и региональном уровнях, на уровне принимающих стран и стран происхождения, а также на индивидуальном уровне, то есть развитие самих мигрантов.

В рамках первого направления всплеск исследований связан прежде всего с нарастанием антииммигрантских настроений во многих принимающих странах, где общество так и не сумело адаптироваться к прежним волнам иммигрантов, что оказывается весьма неблагоприятным фоном для формирования и осуществления миграционной политики [см., например: Massey, Sanchez 2010]. Фактически к началу XXI в. интеграция мигрантов оказалась самым острым вопросом среди тех новых миграционных вызовов, с которыми столкнулся современный мир. Об этом говорят и жесткие столкновения между мигрантами и коренными жителями во многих странах, и данные социологических опросов жителей больших городов, в которых фиксируется рост недовольства коренных жителей присутствием мигрантов. Об этом же свидетельствует повышение роли неформальных интеграционных практик мигрантов посредством социальных сетей как альтернативы оказавшейся неэффективной официальной государственной политике в области интеграции мигрантов.

Все это говорит о том, что на фоне объективно возрастающих масштабов международной миграции, стимулируемых потребностями рынков труда, снижается интеграционный потенциал принимающих обществ, а поиск оптимальных моделей интеграции мигрантов становится наиболее сложной составляющей миграционной политики [ИОМ 2010; Council... 2010].

Глобализация, которая сама по себе является вызовом для национальной идентичности, приводит ко все большему «смешению народов» в результате возрастающей миграции. Многие усматривают в мигрантах угрозу своей национально-государственной идентичности, в результате формируется ксенофобия, то есть боязнь чужаков, конкретизирующаяся в мигрантофобию. В качестве альтернативы ставится вопрос о принципах формирования транснациональной идентичности, отвечающей реальностям глобализованного мира [Castles, Davidson 2000; Castles, Miller 2003; Migration, Diasporas... 1999; Portes 1996].

Особое место в исследованиях занимает интеграция в принимающем обществе второго поколения мигрантов – новых граждан с «мигрантскими корнями», часть из которых отчаянно стремится стать частью мейнстрима общества новой родины, в то время как другие остаются изгоями, для которых реальностью является «социальная исключенность» и закрыты социальные лифты [Ethnicities... 2001]. Применявшиеся в разных странах модели интеграции многообразны – от философии «плавильного котла» (*melting pot*) в США до модели мультикультурализма во многих странах Западной Европы. Однако и та и другая модели оказались отвергнутыми из-за своей несостоятельности. В Соединенных Штатах теперь доминирует концепция «салата» (*salad bowl*), в котором каждый индивидуум сохраняет свою этнокультурную идентичность под соусом «социального единения» [Huntington 2004; Kolb 2009]. В Европе происходит настойчивый поиск но-

вых моделей включения мигрантов в социум, от которого ожидают «активной толерантности» [Tønder 2013].

Даже США – страна мигрантов – испытывает кризис национальной идентичности. С. Хантингтон объясняет это рядом факторов – от влияния экономической глобализации и формирования глобальных наднациональных идентичностей до эффекта массового присутствия в стране мексиканских мигрантов и беспрецедентного усиления доли и влияния испаноязычного населения [Huntington 2004: 147, 222–229].

Именно в рамках этого направления появилась алармистская концепция *третьего демографического перехода* [Коулмен 2007], которая доказывает, что в европейских странах в результате миграции из этнически, религиозно и культурно дистанцированных стран и более высоких показателей рождаемости среди мигрантов происходит неуклонный рост доли последних и соответственно постепенное вытеснение коренного населения. Таким образом в Европе происходит замена европейской цивилизации на иную, пришлую цивилизацию, которую можно называть мусульманской, арабской, азиатской – важно, что она неевропейская.

В рамках второго из указанных выше современных векторов концептуализация последствий миграции была институционализирована созданием Глобальной комиссии по миграции и развитию, инициировавшей большую исследовательскую работу по этой теме в преддверии Диалога высокого уровня по миграции и развитию в рамках Генеральной Ассамблеи ООН в 2006 г. В результате глобального обсуждения в ООН вопросов миграции была даже создана должность Специального представителя Генерального секретаря ООН по миграции и развитию. Фактически была сформулирована политическая задача доказать взаимную выгоду процессов современной миграции для принимающих стран и стран выезда и тем самым задано направление исследований [Migration... 2005].

Огромные суммарные денежные переводы мигрантов в свои страны дали основания по-новому оценить роль международной миграции для глобального развития, представив страны происхождения мигрантов равноправными участниками мирового развития [Remittances... 2005; International Migration... 2006], хотя звучат и скептические оценки такой интерпретации переводов, которые являются не более чем частью заработка мигрантов [De Haas 2005]. Тем не менее результаты многочисленных исследований, финансировавшихся преимущественно Организацией Объединенных Наций и Всемирным банком, были положены в основу доклада Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна «Международная миграция и развитие», основная идея которого заключалась в том, что международная миграция является идеальным средством содействия *взаимному* развитию, то есть скоординированному последовательному улучшению экономических условий как в районах, «отдающих» мигрантов, так и в районах, их «принимающих», на основе их взаимодополняемости и сбалансированности [Доклад... 2006].

С одной стороны, это отражает реальную картину ускорения экономического развития в целом ряде стран глобального «Юга» [см.: Доклад... 2013]. Но с другой стороны, активные доказательства того, что страны происхождения получают свою выгоду от международной миграции, сопоставимую с выгодой принимающих государств, представляются политически ангажированными. Признавая, что благодаря участию в международной трудовой миграции и получению денежных

переводов менее развитые страны получают возможность повысить уровень доходов части населения, сократить бедность, понизить безработицу на национальных рынках труда, расширить внутренний потребительский рынок и даже повысить инвестиционный потенциал, тем не менее нужно признать, что эти выгоды несопоставимы с конкурентными преимуществами, которыми обеспечивают себя развитые страны за счет привлечения трудовых мигрантов, особенно если речь идет о высококвалифицированных специалистах.

Миграция высококвалифицированных кадров – новые концептуальные парадигмы

Миграция высококвалифицированных кадров приобрела принципиально новое значение в условиях глобализации. Во-первых, возросшее значение науки в социально-экономическом развитии превратило интеллектуальный труд в важнейший фактор устойчивого развития и повышение мобильности высококвалифицированной рабочей силы, например ученых и исследователей, является объективной реальностью современного мира, поскольку осуществление масштабных исследовательских проектов силами одной страны все чаще просто невозможно. Во-вторых, благодаря процессам глобализации высокообразованные талантливые люди получили невиданные прежде возможности беспрепятственного передвижения по миру. Они реально стали частью новой глобальной экономики. Страны конкурируют между собой за таких мигрантов, для них разрабатываются специальные каналы иммиграции, предлагаются разного рода стимулы, от преференций в получении гражданства до налоговых льгот [Solimano 2010]. В-третьих, благодаря интернационализации системы образования и роста числа иностранных студентов в университетах мира, а также расширения деятельности ТНК, привлекающих многонациональный персонал из разных стран, формируются социальные миграционные сети принципиально нового типа, когда решение о миграции принимается с опорой на рекомендации коллег и бывших соучеников по университету, какой бы национальности они ни были. В основе таких миграционных сетей лежат образование и профессионализм, в то время как национальная принадлежность размывается – в отличие от рассматривавшихся выше миграционных сетей, основывающихся на родственных или национальных связях, типичных для неквалифицированных и низкоквалифицированных мигрантов.

Современные ученые анализируют межгосударственную интеллектуальную миграцию как следствие определенного этапа глобализации мирового хозяйства и расширения деятельности транснациональных корпораций [Lowell, Findlay 2001]. Глобализация трансформирует миграционные потоки в соответствии с движением капиталов и приводит к активизации миграции высококвалифицированных кадров, которые переезжают из одной страны в другую в качестве сотрудников межнациональных компаний. Поскольку расширение деятельности ТНК происходит в значительной мере в направлении развивающихся стран, куда следом за ними направляется поток квалифицированных кадров, этот факт дает основание исследователям говорить о качественно новом этапе миграционного взаимодействия развитых и развивающихся стран. Отток квалифицированных кадров, от которого страдает экономика развивающихся государств, якобы компенсируется встречным потоком специалистов из развитых стран. В последние годы в работах западных экономистов все чаще встречаются призывы пересмотреть концепцию

«утечки умов», которая уже в течение 50 лет является одной из основных закономерностей межгосударственной интеллектуальной миграции в мире. Взамен предлагается концепция «обмена умами» (*brain exchange*) или «циркуляции умов» (*brain circulation*) [Эпплеярд 2002; Findlay 2001; Iredale 2001; Сегал 2007]. Утверждается, что процесс «утечки умов» может даже пойти на пользу странам, из которых мигранты выезжают на заработки, поскольку эта миграция «компенсируется» потоком денежных переводов из принимающих стран [Сегал 2007: 224]. Более того, доказывается, что более образованные мигранты зарабатывают и соответственно отправляют на родину большие суммы денег, так что «обеспечивают доход и позволяют справиться с бедностью более бедным и менее образованным членам семьи и в некоторой степени нейтрализуют эффекты потери человеческого капитала» [International Migration... 2006: 33].

С этим нельзя не согласиться. Если высококвалифицированные мигранты возвращаются, при этом **с набором новых знаний и навыков, повышенной квалификацией, знанием иностранных языков, наработав международные связи и получив опыт научной и практической деятельности в рыночной среде** [Globerman, Shapiro 2008: 13], то это нельзя расценивать иначе чем выигрыш для страны происхождения, получившей усовершенствованный человеческий капитал. **Кроме того, некоторые исследователи отмечают, что высококвалифицированные** эмигранты подчас способствуют обратным инвестициям и трансферу технологий. К примеру, около 70 % объема всех прямых инвестиций в Китай имеют источником китайскую диаспору за границей, прежде всего в Юго-Восточной Азии [Кириченко 2007: 22–23].

Но происходящий процесс «обмена умами» отнюдь не отрицает и продолжающейся «утечки умов» из развивающихся стран. О каком равноценном «обмене умами» можно говорить, когда, по оценкам, только финансовые потери развивающихся стран от «утечки умов» за 1970–2000 гг. превысили 60 млрд долларов, а общие объемы интеллектуальной эмиграции из развивающихся стран составили от 10 до 30 % их интеллектуального потенциала? [Ионцев, Алешковский 2008: 81.] «Утечка умов» возникает тогда, когда временная трудовая миграция работников интеллектуального труда приобретает безвозвратный характер. Это означает утрату странами-донорами части своего интеллектуального потенциала, что чаще всего крайне негативно сказывается на перспективах их научно-технического и экономического развития.

Кроме того, следует учитывать, что интеллектуальная миграция используется сегодня более развитыми странами мира как инструмент в конкурентной борьбе за построение постиндустриального информационного общества. В современном мире, где знания и научный прогресс становятся важнейшей самостоятельной производительной силой, привлечение интеллектуальных ресурсов из других стран может не просто обеспечить преимущество на пути социально-экономического развития, но изменить соотношение сил в глобализирующемся мире.

Управление миграционными процессами в эпоху глобализации: парадоксы и противоречия

Осмысление глобализации не только дает новый ключ к пониманию механизмов и последствий международной миграции, но ставит вопрос о скоординированном управлении миграционными процессами. «Вполне очевидно, что чело-

вечество подошло к тому рубежу, за которым лишь стихийно складывающееся регулирование общественных отношений продолжаться уже не может. Оно должно быть дополнено теперь сознательно и целенаправленно выстроенным управлением всей этой системой, ибо мир глобальных отношений без эффективного глобального управления обречен на серьезные испытания» [Чумаков 2010: 7].

Поиск форм и методов скоординированного управления процессами международной миграции стал в настоящее время самостоятельной исследовательской задачей. Казалось бы, глобализация, основной чертой которой является открытость, должна сопровождаться либерализацией миграционных режимов и более свободным передвижением людей через государственные границы – как это произошло в XX в. с движением капиталов, товаров, технологий и информации и создало новые условия для развития мировой экономики. Но на самом деле возросшие коммуникационные, транспортные, информационные возможности для передвижения людей – это лишь одна сторона дела, которая действительно привела к повышению территориальной мобильности людей. Другая сторона – это политика государств в отношении притока мигрантов, и здесь возникают проблемы. На пути мигрантов воздвигаются административные и правовые барьеры в виде ограничений на въезд, пребывание, проживание, трудоустройство, социальную защиту и т. д.

Право на свободное передвижение, которое является не просто одним из основных прав человека, но также условием развития процессов глобализации, сталкивается с сохранением контроля со стороны государств над передвижением людей, аргументируемого защитой национального рынка и сохранением национальной идентичности. В результате на фоне свободного перемещения капиталов и информации «люди оказываются менее мобильны: они всегда принадлежат к какому-нибудь государству, зависимы от паспорта, визы, разрешения на проживание и конъюнктуры на рынке труда» [Hirst, Thompson 1995: 410]. Фактически принимающие страны, выстраивая преграды на пути передвижения трудовых ресурсов, действуют *против глобализации*. Сложилась парадоксальная ситуация: XX век отмечен ускорением процессов глобализации и все большей открытостью экономических систем, одновременно в XX же веке выстраиваются и все более совершенствуются механизмы ограничения миграции людей. Иммиграционные акты, введенные в США в 1917, 1921 и 1924 гг., начали историю ограничения миграции в мире. После Второй мировой войны в Европе появились въездные визы для иностранных граждан, а после экономического кризиса 1973 г. ограничение миграции стало повсеместной практикой в европейских странах.

В результате объективная тенденция усиления мобильности людей в поисках возможностей лучшего использования своего трудового потенциала в глобализированной экономике выливается в иррациональные и крайне неэффективные формы развития миграции в мире, сопровождающиеся появлением огромных масс нелегитимных перемещений, криминализацией миграции и маргинализацией больших групп мигрантов [Martinez 2009].

Противоречия, присущие периоду глобализации, в миграционной сфере проявляются в виде превращения миграции в глобально организованный разветвленный международный криминальный бизнес, включающий разнообразные миграционные услуги, начиная от помощи в получении визы и поиске рабочего места до незаконной переправки людей через границы и торговли людьми, манипули-

рующий сотнями тысяч рабочих мест по всему миру и управляемый сетью организаций и институтов. В таких условиях регулирование миграционных потоков может быть результативным только в том случае, если оно будет итогом скоординированных усилий принимающих стран и стран происхождения мигрантов, создания общих баз данных по миграции, международных институтов, регулирующих трудоустройство на мировом рынке труда.

Не будет преувеличением сказать, что регулирование миграции в условиях глобализации становится возможным только при совместных усилиях большинства стран мира (в первую очередь наиболее крупных и наиболее развитых из них), то есть посредством многостороннего международного сотрудничества [Solimano 2010]. Очевидно, что это касается прежде всего проблем, порождаемых растущим числом беженцев или все увеличивающимися масштабами нелегальной миграции, которые приобрели действительно глобальный характер. В меньшей степени это относится и к международной трудовой миграции, поскольку обеспечение правовых гарантий для граждан одних стран, работающих в других странах, стало важной составной частью глобального процесса борьбы за права человека. Главная идея подхода, основанного на уважении прав человека, в качестве базиса межгосударственного сотрудничества в сфере управления трудовой миграцией заключается в снижении риска эксплуатации людей, которые чаще всего *вынуждены* искать работу вне границ собственной страны, поскольку родина на нынешнем этапе своего развития не может обеспечить им занятость и заработок [Таран 2010: 69].

В условиях взаимосвязанного, взаимозависимого мира управление трудовой миграцией непременно должно носить системный характер. Основной его принцип можно обозначить как «согласованную многосторонность». Во-первых, это означает формирование единых, принимаемых как странами въезда, так и странами выезда подходов к пониманию возможностей управления миграционными процессами. Важно, чтобы диалог о миграции велся на одном языке. Во-вторых, придание нового импульса межгосударственному сотрудничеству в миграционной сфере путем конкретизации международных норм и гармонизации национальных законодательств. В-третьих, построение двусторонней, включающей взаимные обязательства принимающих стран и стран происхождения, модели реализации прав человека как основы международного взаимодействия. В-четвертых, формирование новых акцентов в реализации согласованного управления миграцией через достижение договоренностей с заинтересованными негосударственными институтами⁴.

Впрочем, пока подход, основанный на уважении прав мигрантов, как и равноправное участие стран происхождения мигрантов и принимающих стран в вопросах управления миграционными процессами, является скорее пожеланием, чем реальностью. На самом деле во многих случаях права мигрантов не просто ограничены, но и не соблюдаются, что превращает мигрантов в одну из наиболее уязвимых групп населения [Таран 2013]. Именно мигранты становятся первыми жертвами экономических потрясений, и за их счет правительства и работодатели в развитых странах стремятся решить вопросы сохранения конкурентоспособности бизнеса. Глобальный экономический кризис 2008–2010 гг. показал это со всей очевидностью.

---

⁴ Подробнее об этом читайте: Ивахнюк 2011б.

В сферу регулирования миграции подчас жестко вмешивается международная политика. Казалось бы, в мире уже давно существует устоявшийся международный порядок, регулирующий деятельность государств, столкнувшихся с притоком беженцев, и оказание таким государствам международной помощи по линии Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Международного комитета Красного Креста и других гуманитарных организаций. Однако Россия, испытывавшая на себе приток сотен тысяч беженцев и вынужденных переселенцев из Украины в 2014 г. в связи с военными действиями, оказалась фактически один на один с этой проблемой, не получая никакой помощи от международных организаций.

Поиск согласованных решений в деле управления миграционными процессами на межгосударственной основе является непростой задачей прежде всего вследствие объективного несовпадения интересов двух групп государств, участвующих в миграции как принимающие страны и страны выезда. Однако повышение в современном мире роли миграции (особенно трудовой) для обеих групп стран, рост миграционной взаимозависимости, как и вообще осознание глобальных эффектов принимаемых политических решений, настойчиво призывают к усилению межгосударственного сотрудничества в миграционной сфере. Ученые уже предлагают разные формы институционализации такого сотрудничества: в виде некой Мировой миграционной организации [Bhagwati 2003; Global... 2011] или Глобального агентства по экономической миграции в рамках ООН [Migration... 2005]. Можно сказать, что суть нового понимания возможностей совместных действий государств в целях упорядочения международной трудовой миграции заключается прежде всего в осознании необходимости скоординированного многостороннего сотрудничества в условиях глобализации и соответственно в усилении акцента на межгосударственных инструментах, координирующих деятельность участвующих в миграции стран.

Литература

Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенностей. Размышления о мире XXI века. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2007.

Доклад Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи «Международная миграция и развитие» 6 июня 2006 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/esa/population/migration/hld/Text/Report_of_theSG_June_06_Russian.pdf.

Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. Программа Развития ООН, UNDP. New York, 2013.

Ивахнюк И. В. Евразийская миграционная система // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. 2007. № 3. С. 36–57.

Ивахнюк И. В. Евразийская миграционная система: теория и политика. М. : Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, МАКС Пресс, 2008.

Ивахнюк И. В. Международная миграция как ресурс развития (замечания в связи с глобальной дискуссией) // Век глобализации. 2011а. № 1. С. 67–79.

Ивахнюк И. В. Управление трудовой миграцией: противоречивые уроки глобального кризиса // Век глобализации. 2011б. № 2. С. 109–125.

- Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М. : Диалог-МГУ, 1999.
- Ионцев В. А., Алешковский И. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. 2008. № 2. С. 77–87.
- Кириченко Э. В. Мировая миграция населения // Миграционные процессы: социально-экономический аспект (на примере ведущих стран). М. : ИМЭМО РАН, 2007. С. 6–35.
- Киш Э. Философия глобализации // Век глобализации. 2010. № 2. С. 16–32.
- Коулмен Д. Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход? // Миграция и развитие. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / гл. ред. серии В. А. Ионцев. Вып. 20. М. : СП Мысль, Би-Эль Принт, 2007. С. 12–48.
- Сегал У. Иммиграция в США // Миграция и развитие. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / гл. ред. серии В. А. Ионцев. Вып. 20. М. : СП Мысль, Би-эль Принт, 2007. С. 212–231.
- Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. 2010. № 1. С. 66–88.
- Флорес Н. Городские нелегальные миграционные сети мексиканцев в США // Тенденции международной миграции. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / гл. ред. В. А. Ионцев. Вып. 16. М. : МГУ, МАКС Пресс, 2006. С. 72–86.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014.
- Эпплеярд Р. Миграция квалифицированных кадров в глобализованном мире // Мир в зеркале международной миграции. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / гл. ред. серии В. А. Ионцев. Вып. 10. М. : МАКС Пресс, 2002. С. 8–19.
- Baran P. On the Political Economy of Backwardness // The Political Economy of Development and Underdevelopment / Ed. by C. K. Wilber. New York : Random House, 1973. Pp. 82–93.
- Global Migration Governance / Ed. by A. Betts. Oxford : Oxford University Press, 2011.
- Bhagwati J. N. Borders Beyond Control // Foreign Affairs (New York). 2003. Vol. 82 (January/February). Pp. 98–104.
- Canales A., Mendoza C. Migration, Remittances and Local Development in Mexico. Report presented at the XXIV IUSSP General Population Conference, Salvador, Brazil, August 2001.
- Castles S., Davidson A. Citizenship and Migration: Globalization and the Politics of Belonging. London : Macmillan, 2000.
- Castles S., Miller M. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. Basingstoke : Macmillan, 2003.

Conway D., Cohen J. H. Consequences of Migration, and Remittances for Mexican Transnational Communities // *Economic Geography*. 1998. No. 74. Pp. 26–44.

Council of Europe. Migrants and their Descendants. Guide to Policies for the well-being of All in Pluralist Societies. Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2010.

De Haas H. International Migration, Remittances and Development: Myths and Facts // *Third World Quarterly*, 2005. No. 26. Pp. 1269–1284.

De Haas H. North-African Migration Systems: Evolution, Transformations and Development Linkages. International Migration Institute. University of Oxford. Oxford, 2007.

Ethnicities: Children of Immigrants in America / Ed. by R. G. Rumbaut, A. Portes. Berkeley : University of California Press, 2001.

Fawcett J. T., Arnold F. Explaining Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands / Ed. by J. T. Fawcett, B. V. Carino. New York : Center for Migration Studies, 1987.

Findlay A. International Migration and Globalization: An Investigation of Migration Systems in Pacific Asia, with Particular Reference to Hong Kong // *International Migration into the 21st Century* / Ed. by M. A. B. Siddique. Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2001.

Frank A. G. The Development of Underdevelopment // *Dependence and Underdevelopment* / Ed. by J. D. Cockcroft, A. G. Frank, D. Johnson. New York : Anchor Books, 1972.

Globerman S., Shapiro D. The International Mobility of Highly Educated Workers Among OECD Countries // *Transnational Corporations*. Vol. 17. No. 1. Geneva : UNCTAD, 2008. Pp. 1–37.

Held D., McGrew A. G., Goldblatt D., and Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics, and Culture. Stanford : Stanford University Press, 1999.

Hirst P., Thompson G. Globalization and the Future of the Nation State // *Economy and Society*. 1995. Vol. 24. No. 3.

Huntington, S. P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York : Simon & Schuster, 2004.

International Migration Systems. A Global Approach / Ed. by M. Kritz, Lin Lean Lim, H. Zlotnik. Oxford : Clarendon Press, 1992.

IOM. Compendium of Migrant Integration Policies and Practices. N. p. : International Organization for Migration, 2010.

Iredale R. The Migration of Professionals: Theories and Typologies // *International Migration*. 2001. No. 39(5).

Ivakhniouk I., Iontsev V. Russia – EU: Interactions within the Reshaping European Migration Space // *International Migration. A Multidimensional Analysis* / Ed. by K. Slany. Cracow : AGH University of Science and Technology Press, 2005. Pp. 217–250.

Kahanec M., Zimmermann K. F. Migration and Globalization: Challenges and Perspectives for the Research Infrastructure. Bonn : IZA, 2008.

Kolb E. The Evolution of New York City's Multiculturalism: Melting Pot or Salad Bowl. N. p. : BoD, 2009.

- Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. No. 3. Pp. 47–57.
- Lowell B. L., Findlay A. Migration of Highly Skilled Persons from Developing Countries: Impact and Policy Responses. International Labour Office, International Migration Branch. Geneva, 2001.
- Martinez S. International Migration and Human Rights: The Global Repercussions of U.S. Policy. Berkeley : University of California Press, 2009.
- Massey D. S. Social Structure, Household Strategies and the Cumulative Causation of Migration // *Population Index*. 1990. No. 56. Pp. 3–26.
- Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Population and Development Review*. 1993. No 19. Pp. 431–466.
- Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford : Oxford University Press, 1998.
- Massey D. S., Sanchez R. M. *Brokered Boundaries. Creating Immigrant Identity in Anti-Immigrant Times*. New York : Russell Sage Foundation, 2010.
- Migration, Diasporas and Transnationalism / Ed. by S. Vertovec, R. Cohen. Cheltenham: Edward Elgar, 1999.
- Migration in an Interconnected World: New Directions for Action. Report of the Global Commission on International Migration, 2005.
- Myrdal G. *Rich Lands and Poor*. New York : Harper and Row, 1957.
- International Migration, Remittances, and the Brain Drain / Ed. by C. Ozden, M. Schiff. Washington, DC : The World Bank & Palgrave Macmillan, 2006.
- Portes A., Borocz J. Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on its Determinants and Models of Incorporation // *International Migration Review*. 1989. Vol. 23(3). Pp. 606–630.
- Portes A. *The Economic Sociology of Immigration*. New York : Russell Sage, 1995.
- Portes A. Transnational Communities: their Emergence and Significance in the Contemporary World-system // *Latin America in the World Economy* / Ed. by R. P. Korzeniewicz, W. C. Smith. Westport, CT : Greenwood Press and Praeger, 1996.
- Remittances: Development Impact and Future Prospects / Ed. by S. M. Maimbo, D. Ratha. N. p. : World Bank, 2005.
- Rubenstein H. Migration, Development and Remittances in Rural Mexico // *International Migration*. 1992. No. 30.
- Sassen S. *Globalisation and Its Discontents*. New York: The New Press, 1998.
- Solimano A. *International Migration in the Age of Crisis and Globalization: Historical and Recent Experiences*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Stalker P. *Workers Without Frontiers: The Impact of Globalization on International Migration*. Geneva : International Labour Office, 2000.
- Taran P. Migration, Discrimination: a Global Context Assessment. Key Issues, Situations and Responses. A paper presented at the ENAR Equality & Work Fifth Conference, Brussels, 5–6 December 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalmigration>

policy.org/articles/integration/Equal@Work%20Migration%20Discrimination%20Context%20Taran%20paper%206-12-13.pdf.

Tønder L. Spinoza and the Theory of Active Tolerance // Political Theory. 2013. No. XX(X). Pp. 1–23 [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/3628940/Spinoza_and_the_Theory_of_Active_Tolerance.

Zlotnik H. Policies and Migration Trends in the North American System // International Migration, Refugee Flows and Human Rights in North America: the Impact of Trade and Restructuring / Ed. by A. Simmons. Staten Island : Center for Migration Studies, 1996. Pp. 81–103.